

А.Г. ДРУЖИНИН*, **

*Южный федеральный университет,

344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105, Россия, alexdru9@mail.ru

**Институт географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4, Россия, alexdru9@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЮГА РОССИИ: ПРОЛОНГИРОВАННЫЕ ТРЕНДЫ, АКТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Многоаспектные глобальные изменения проецируются на Россию и ее регионы, инициируя приоритетное внимание к проблематике пространственного развития. Цель статьи — формирование системных представлений о Юге России как одном из ключевых и наиболее динамичных макрорегионов Российской Федерации, о пролонгированных трендах и современных проблемных ситуациях реализации «южного вектора» пространственной социально-экономической динамики страны, о стратегических приоритетах южнороссийского регионогенеза и его новых («больших») форматах. Приоритетное внимание уделено, в частности, долгосрочному тренду «перетока» на Юг России населения и трансформации его этнической структуры. Установлена «волнообразная» динамика роста численности населения в южнороссийском макрорегионе, связанная с его положением в центрo-периферийной системе страны, а также этнодемографическими и геополитическими обстоятельствами. Показана сложившаяся в постсоветский период и трансформирующаяся в «посткрымских» условиях общественно-географическая специфика Юга России (полиэтничность, приморскость, приграничность, сравнительная агроклиматическая и рекреационная «южность», устойчивость селитебной структуры и др.) и его функционал в общероссийском масштабе (аграрно-производственный, селитебно-рекреационный, транспортно-логистический и военно-геостратегический). Охарактеризованы присущие южнороссийскому макрорегиону актуальные мегатенденции в природно-хозяйственной и этнокультурной сферах. Акцентировано, что углубляющаяся (в том числе под воздействием этнодемографических процессов на региональном и муниципальном уровнях) стратификация южнороссийского пространства и его развитие в целом по полицентрической модели сочетается с ускоренным формированием (благодаря изменениям в геополитике, транспортной инфраструктуре, хозяйственной сфере) межрегиональной, трансграничной акваториальной целостности — Большого Юга России.

Ключевые слова: пространственные структуры, социально-экономическое развитие, южный вектор, глобальные изменения, Большой Юг России, Россия.

A.G. DRUZHININ*, **

*Southern Federal University,

344006, Rostov-on-Don, ul. Bolshaya Sadovaya, 105, Russia, alexdru9@mail.ru

**Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,

119017, Moscow, Staromonetny per., 29, str. 4, Russia, alexdru9@mail.ru

SPATIAL DEVELOPMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA: PROLONGED TRENDS, CURRENT STRUCTURES

Multidimensional global changes are projected onto Russia and its regions, initiating priority attention to the problems of spatial development. The purpose of the article is to form systemic ideas about the South of Russia as one of the key and most dynamic macroregions of the Russian Federation, about prolonged trends and current problem situations of the implementation of the “southern vector” of the spatial socio-economic dynamics of the country, and about the strategic priorities of the South Russian regionogenesis and its new (“large”) formats. Priority attention is paid, in particular, to the long-term trend of the “flow” of the population to the South of Russia and the transformation of its ethnic structure. The “wave-like” dynamics of population growth in the South Russian macroregion has been identified; it is related to its position in the center-periphery system of the country, as well as ethnodemographic and geopolitical circumstances. The article shows the socio-geographical specificity of the South of Russia that developed in the post-Soviet period and is transforming in the “post-Crimean” conditions (polyethnicity, coastalness, near-border location, comparative agroclimatic and recreational “southernness”, stability of the residential structure, etc.), as well as its functionality on a nationwide scale (agricultural-industrial, residential-recreational, transport-logistics, and military-geostrategic). The current megatrends in the natural-economic and ethnocultural spheres inherent in the South Russian

macroregion are characterized. It is emphasized that the deepening stratification of the South Russian space (including under the influence of ethnodemographic processes at the regional and municipal levels) and its development as a whole according to the polycentric model are combined with the accelerated formation (due to changes in geopolitics, transport infrastructure, economic sphere) of interregional, transboundary aqua-territorial integrity — the Great South of Russia.

Keywords: spatial structures, socio-economic development, southern vector, global changes, Great South of Russia, Russia.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Фундаментальная, сердцевинная для географической науки идея пространства и пространственности [1] в последние годы (в том числе в связи с усилиями по выстраиванию действенной, адаптированной к территориальной социально-экономической специфике России системы федерального регулирования [2]) все чаще культивируется в рамках укореняющихся представлений о «пространственном развитии». Возрастающий интерес к данной тематике во многом корреспондирует с разработкой «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», с критическим обсуждением данного документа [3–5], равно как и с последующими, весьма актуализированными, попытками его качественной коррекции [6–8], включая пришедшуюся на 2024 г. [9].

При этом проблематика пространственного развития объединяет не только вероятностный спектр позитивных территориально приуроченных социально-экономических изменений, но и трансформацию всей архитектоники пространства, метаморфозы ее составляющих, равно как и их системную устойчивость [2]. В этом плане пространственное развитие может быть осмыслено как адаптивно-эволюционный, экзогенно-эндогенный полимасштабный процесс страно- и регионогенеза, сочетающий «инерцию колеи» с инновациями в территориальных структурах. В России в силу специфики государственного устройства первостепенен уровень субъектов Федерации, а благодаря мозаичности их территорий (хозяйственной, селитебной, этнической и др.) на авансцену неизбежно выходит и муниципальный «срез» пространственного развития. Но основной его ареной и ключевой результирующей выступают, тем не менее, именно образования макроуровня, одним из которых является Юг России.

В своем смысловом (соотнесенном с постсоветской ситуацией) значении концепт «Юг России» выкристаллизовывался всю вторую половину 1990-х гг. [10]; его последующее укоренение и превалирующее толкование связано с Федеральной целевой программой «Юг России», а также с учреждением с июня 2000 г. по январь 2010 г. сетки федеральных округов, включая Южный, который объединял весь российский юго-запад ниже 50-й параллели. Органичной частью этого по многим аспектам разнородного и, одновременно, системно целостного пространства (его единство последовательно обосновывается автором [11] в противовес встречающемуся в научных публикациях [12] ментальному выведению за рамки Юга России регионов Северо-Кавказского федерального округа) с 2014 г. стал п-ов Крым. Новая (с весны–осени 2022 г.) геополитическая реальность в очередной раз реструктурирует южнороссийский макрорегион (корректируя его внешний контур, трансформируя систему центров и их сопряженность и др.), одновременно существенно повышая роль и значимость Юга и «южности» для России, ее пространственного развития.

Цель статьи — формирование системного представления о пролонгированных трендах, актуальных направлениях и проблемных ситуациях реализации «южного вектора» пространственной социально-экономической динамики страны, о современных особенностях южнороссийского регионогенеза и его новых («больших») форматах.

РЕГИОНОФОРМИРУЮЩИЕ ЭФФЕКТЫ «ЮЖНОГО ВЕКТОРА» ДЕМОГРАФО-СЕЛИТЕБНОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

Становление и последующее развитие современного южнороссийского макрорегиона, вмещающего Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, представляет собой пролонгированный (с середины XVI в. [13]) и многоаспектный процесс, напрямую сопряженный с военным, селитебным и хозяйственно-инфраструктурным «продвижением» Российского государства в южном (от Москвы) направлении — так называемой землосвойительной экспансии (именно так еще в 1949 г., исследуя миграцию, обозначил этот тренд В.В. Покшишевский [14]).

Территории юга европейской части Российской империи (как сформулировано в манифесте Екатерины II от 1762 г., «наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших мест, до сего еще праздно остающихся, не малое число...» [15, с. 7]), будучи изначально периферий-

ными по отношению к историческим сердцевиным территориям России и во многом фронтальными (зависящими от военно-инфраструктурных условий и геостратегических обстоятельств), стали полностью доступными для «дозаселения» лишь со второй половины XIX в. Превалирующая в тот период аграрная экономика дополнила военно-стратегическое и усилила транспортно-логистическое значение южнороссийского порубежья, выступив детерминантой южного вектора в развитии страны. Данный вектор понимается как триединство следующих факторов: формирования и «уплотнения» (хозяйственного, инфраструктурного и селитебного) пространства российского Юга; смещения в его пользу экономического и демографического потенциала страны; повышения для России геостратегической значимости южных территорий (своих, равно как и сопредельных стран) при одновременном расширении «южной составляющей» в системе государственной (в том числе региональной) политики. Этот вектор проявился, прежде всего, в масштабном перемещении населения — как русского, так и иных этносов, в том числе из сопредельных государств [14].

«Русская этнографическая стихия, — констатировал в 1922 г. один из основоположников евразийства П.Н. Савицкий, — превращает это, от века отданное кочевому быту, пространство в земледельческую область» [16, с. 347]. Фактор наличия сельхозугодий и их повышенной на Юге продуктивности (хотя и мизерной, по зерновым — около 9 ц/га [13] против 35–45 современных) был, при этом, определяющим. Начиналось и индустриальное освоение, опирающееся на разреженную сеть южнороссийских городов. Из них к концу XIX в. лишь Ростов-на-Дону и Астрахань преодолели рубеж в 100 тыс. жителей.

Характерно, что за 1871–1915 гг. численность сельских жителей в 25 черноземных губерниях Европейской части России увеличилась в 1,94 раза, в то время как в 25 нечерноземных — в 1,76; по городам эта динамика составила 1,96 и 1,51 раза соответственно [17]. Причем, если к рубежу XX в. в контуре современного Юга России, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи [18], оказалось сосредоточено 11,71 % совокупного населения, локализованного в границах нынешней Российской Федерации (в авторском расчете учитывался Крым, но в него не вошли новые российские территории, пока еще недоступные актуальному социально-экономическому анализу), то в 1926 г., несмотря на последствия Гражданской войны, численность проживающих в пределах макрорегиона возросла в 1,6 раза, а доля — почти на 2 % (табл. 1).

В период, предшествующий Великой Отечественной войне, южнороссийские территории в целом оказались в арьергарде индустриализации, существенным образом переформатировавшей пространство страны. В результате фактически до 1960-х гг. Юг России, большая и наиболее заселенная и хозяйственно освоенная часть которого в 1941–1943 гг. оказалась к тому же в зоне германской оккупации, боевых действий и масштабных перемещений населения, пребывал в условиях «периферийно-вос-

Таблица 1

Удельный вес Юга России в населении РСФСР – Российской Федерации (включая Крым) [18–27]

Годы	Численность населения, тыс. чел.		Удельный вес Юга России в общей численности населения РСФСР – РФ, %
	РСФСР – РФ	Юг России	
1897*	68 020**	7762	11,41
1926	92 735	12 397	13,37
1939	109 397	13 967	12,76
1959	118 736	15 356	12,93
1970	131 893	19 531	14,81
1979	139 245	21 185	15,21
1989	149 451	22 965	15,37
2002	147 557	25 256	17,12
2010	145 170	25 595	17,63
2022	146 447	26 848	18,33

* Астраханская губерния, Таврическая губерния (без Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов), Донского войска область (без 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов), Дагестанская область, Кубанская область, Ставропольская область, Терская область, Черноморская область.

** Численность населения в границах Российской Федерации (без новых регионов).

становительного» развития экономики (и, соответственно, отставал в урбанизации), сократив свой вес в масштабе РСФСР не только в городском (с 12,45 % в 1939 г. до 7,49 % в 1959 г.), что наиболее выражено, но и сельском населении (с 12,93 до 9,32 % соответственно).

С 1960-х гг. макрорегион вновь обретает повышенную позитивную демографическую динамику и миграционную привлекательность. В числе основных причин этого можно назвать следующие. Первая из них — это позитив масштабной эколого-экономической реконструкции в рамках «Сталинского плана преобразования природы» (1948–1953 гг.) [28], существенно повысившей устойчивость и продуктивность южнороссийского земледелия [29], придавшей последнему в том числе выраженный овощеводческий профиль (к концу советского периода в пределах Юга России было сконцентрировано 37 % посевных площадей овощей от общего объема по РСФСР). Также имела место динамичная пространственная диффузия на Юг послевоенных волн индустриализации. Так, согласно данным Госкомстата РСФСР за 1960–1965 гг. [30], объем промышленного производства в РСФСР вырос в 1,44 раза, в то время как по Северо-Кавказскому экономическому району — в 1,53, по Астраханской области — в 1,46, по Волгоградской области — в 1,86 раза. За 1966–1970 гг. темпы роста составили 1,49; 1,48; 1,51 и 1,57 раза соответственно, а за 1950–1960 гг. — 2,68, 3,13, 1,8, 3,74 раза. Также для данного периода характерна все более масштабная туристско-рекреационная активность [31], сопровождающаяся развитием приуроченных к Югу рекреационных центров. При общем в пределах «посткрымской» России росте городского населения за 1959–1989 гг. в 1,75 раза число жителей Сочи увеличилось 2,65 раза, а Ялты — в 2,02 раза. В итоге города на Юге в позднесоветский период в целом росли быстрее (доля Юга в городском населении России увеличилась с 7,49 % в 1959 г. до 14,29 % в 2021 г.), а сельская местность оказалась в существенно меньшей мере подвержена своему демографическому «сжатию» (в 1989 г. на Юг приходилось 17,85 % всего сельского населения страны, а в 2021 г. — 30,14 %), тем самым сохранив потенциал для дальнейшего, присущего в том числе постсоветскому периоду, ускоренного перетока населения в города.

Приоритетным образом приняв связанные с распадом СССР «волны» трансграничной миграции (показательно, что в сопоставлении с 1989 г. перепись 2002 г. только по Ростовской области, Краснодарскому и Ставропольскому краям зафиксировала рост армянского населения в 1,67 раза, т. е. на 215 тыс. чел.), в изменившихся политико-экономических реалиях Юг России оказался в еще большей мере функционально ценен и ресурсно востребован именно в связи со своими природно-климатическими характеристиками, на фоне преобладающего в стране «евразийского неудобья» [32].

Показательно, что если все сельское население России (включая Крым) за 1989–2021 гг. сократилось на 2703 тыс. чел., то на Юге оно, напротив, возросло на 4077 тыс. чел. В том числе на 720 тыс. чел. выросла численность сельского населения Республики Дагестан, на 419 тыс. чел. суммарно — Чеченской Республики и Республики Ингушетия, на 396 тыс. чел. — Краснодарского края, на 212 тыс. чел. — Республики Крым при одновременной общей депопуляции сельской местности в Ставропольском крае (на 16 %), в Волгоградской области (на 12 %) и в Калмыкии (на 23 %). За данный постсоветский период горожан на Юге России стало больше на 4080 тыс. чел.: на 821 тыс. чел. увеличилось городское население Краснодарского края, на 659 тыс. чел. — Дагестана, на 330 тыс. чел. — Чечни и Ингушетии, в то время как имела место депопуляция в городах Ростовской области (на 7 %), Астраханской области (на 9 %) и Калмыкии (на 19 %). В то же время в целом по стране городское население увеличилось всего на 432 тыс. чел.

Эти структурные подвижки имели место на фоне последовательного сокращения числа миграционно привлекательных регионов российского Юга: если в 2000 г. из 13 его «докрымских» регионов миграционный отток имел место лишь в двух (Калмыкия и Чечня), то в 2005 г. — в шести, в 2015 г. — в семи. В 2022 г. сальдо миграции оказался положительным лишь в Краснодарском крае и Адыгее, справедливо относимым к основным миграционным реципиентам страны [33], а также в Севастополе. Судя по данным Росстата [34], сократился и общий приток мигрантов на Юг: с 225 тыс. чел. в 1990 г. до 46 тыс. чел. в 2005 г. и 9 тыс. чел. в 2022 г. (если не учитывать Крымский полуостров, который в 2022 г. в процессе миграционного обмена суммарно потерял 10 тыс. чел.).

Постепенно утрачивая свой импульс, южный вектор селитебно-демографической динамики в итоге становится сфокусированно-избирательным. В настоящее время в условиях глобальной политической и экономической турбулентности в нем все меньше причин перемещения в «теплые» («сытые») края, но при этом отчетливо выражен геополитический прирост (на 2,32 млн чел. в марте 2014 г., что на 9 % увеличило число российских «южан» и, ориентируясь на ранее проведенный анализ [35], еще на 15–16 % в связи с вхождением в состав РФ четырех новых регионов). Не менее существенен и этнокультурный аспект, связанный с устойчивой, присущей всему постсоветскому периоду, специ-

фикой демографической динамики у народов Дагестана, а также у чеченцев и ингушей, благодаря которому южнороссийский макрорегион приобретает предельно усложненный полиэтнично-моноэтнический облик. Согласно результатам авторского анализа данных переписей населения за 1989–2021 гг. [24, 27], численность чеченцев возросла на Юге России в 1,9 раза, аварцев — в 1,8 раза, даргинцев — в 1,76 раза, ингушей — в 2,5 раза при том, что количество русских за аналогичный временной интервал выросло лишь на 5 %.

ЮЖНОРОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИХОТОМИИ «МОНОЭТНИЧНОСТЬ – ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ»

Этнодемографическая динамика в пределах южнороссийского макрорегиона сложна, многовекторна и, существеннейшим образом отличаясь от места к месту, выступает базовым фактором социально-экономической фрагментации территории, равно как и значимым обстоятельством современной актуализации в пространственном развитии Российской Федерации «южного вектора» в целом.

Россия устойчиво (и справедливо) воспринимается как страна полиэтническая [36], но на Юге подобная характеристика выражена еще рельефнее благодаря не только исторически сложившейся «мозаике» регионов и объединяемых ими муниципальных образований с четко выраженной этноструктурной спецификой, но и устойчивому, опережающему общероссийскую динамику сокращению в населении его «русской компоненты» (табл. 2). Проведенный анализ позволяет идентифицировать в пределах южнороссийского макрорегиона два «ультрамоноэтнических» субъекта Федерации (Ингушетия и Чечня), где доля численно преобладающего этноса 95 % и более, пять моноэтнических с иноэтническими вкраплениями (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, а также Севастополь) и восемь полиэтнических (удельный вес лидирующего этноса в этнической структуре здесь менее 75 %). Муниципальная структура Юга России представлена 218 моноэтническими образованиями (городские округа, муниципальные районы и муниципальные округа) и 94 полиэтническими.

Если в 1959 г. в пределах Юга России удельный вес русских лишь на 5,3 % отличался от среднероссийского (по РСФСР + Крым) показателя, то, согласно переписи 2021 г., расхождение составило уже 11,3 %. Став для южнороссийского макрорегиона одним из важнейших свойств и трендов, этнодемографическая «дерусификация» демонстрировала, впрочем, различные скорости как во временном, так и в пространственном отношении.

Так, за 1959–1989 гг. численность русских на Юге России выросла в 1,32 раза, в то время как стране в целом — в 1,23 раза, что корреспондировало с общим «перетоком» на Юг населения из других регионов страны (см. табл. 1). В первые постсоветские десятилетия (1989–2010 гг.) южнороссийский макрорегион сохранял миграционную привлекательность, благодаря чему присущая всей России убыль русского населения (на 8 %) затронула его лишь по касательной (сокращение на 0,5 %). Аналогичной оставалась ситуация и в течение последнего межпереписного периода (2010–2021 гг.): на фоне общей по Российской Федерации (на 10,6 %) «русской депопуляции» в пределах южнороссийского макрорегиона наблюдался рост (на 5,3 %) численности русских, локализованный при этом лишь в четырех регионах (на 600 тыс. чел. увеличилось русское население Краснодарского края, на 214 тыс. чел. — двух субъектов Крыма, на 77 тыс. чел. — Ставрополя).

Таблица 2

Русские в населении Юга России и России (РСФСР/РФ) в целом [21, 24, 26, 27]

Численность населения	Годы				Период		
	1959	1989	2010	2021	2021/2010	2021/1989	2021/1959
Юг России*							
Чел.	12 094 905	16 038 530	15 948 573	16 847 775	+899 202	+809 245	+4 752 870
% от всего населения	77,8	69,8	62,4	60,4	–2,0	–9,4	–17,4
РСФСР – Российская Федерация*							
Тыс. чел.	98 721	121 525	112 509	105 579	–6930	–15 946	+6858
% от всего населения	83,1	81,3	77,5	71,7	–5,8	–9,6	–11,4

Примечание. «+» — прирост населения, «–» — убыль населения.

* Включая Крымский полуостров (данные по Крыму за 2010 г. — согласно Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г.).

Процесс асимметричного «стягивания» русского населения в немногие привлекательные в социально-экономическом отношении ареалы сочетался с начавшейся еще с середины XX в. [37], но ускорившийся именно в постсоветский период «моноэтнизацией» (именно так обозначают тенденцию ведущие эксперты [38, 39]) Дагестана, Ингушетии и Чечни. При этом число локализованных в пределах Юга России чеченцев за 1989–2021 гг. возросло с 857 до 1623 тыс. чел. (94,3 % прироста пришлось непосредственно на Чеченскую Республику), ингушей — с 201 до 504, аварцев — с 522 до 986 (99%-й прирост локализован в пределах Дагестана), даргинцев — с 346 до 607 тыс. чел.

Проявившиеся в позднесоветский и сохраняющиеся весь постсоветский период выраженные различия в воспроизводстве русских и представителей ряда иных ведущих южнороссийских этносов, дополняемые пришедшей в основном на 1990-е гг. масштабной миграцией, чьи векторы и эффекты подробно освещены в [40], инициировали ощутимые подвижки не только в этнической структуре национальных республик Северного Кавказа, но и Калмыкии, а также Астраханской области, где, в частности, доля русских за 1989–2021 гг. сократилась на 13,2 и 15,0 процентных пунктов соответственно. Процесс «дерусификации» затронул отдельные группы муниципальных образований и вне этих территорий. Так, например, в Заветинском муниципальном районе, относящемся к ариднему слабо-заселенному востоку Ростовской области, численность русских за последний межпереписной период сократилась почти на 30 %, а чеченцев — возросла в 1,7 раза, т. е. с 12,4 до 24,0 % от всего населения.

Фактическая *полиэтнизация* ранее в основном моноэтнических («русских») аграрных территорий в условиях сохраняющей на Юге России свой потенциал урбанизации (на Юге России проживает свыше 30 % всех сельских жителей России; если в целом по Российской Федерации доля горожан составляет 74,9 % от всего населения, то в южном макрорегионе — лишь 58,4 %) придавала дополнительный импульс этноструктурным трансформациям в городах, в том числе ведущих, наподобие Астрахани, где наряду с традиционной татарской и казахской составляющими в населении (5,7 и 6,4 % соответственно) в последние годы активно формируются диаспоры народов Дагестана (с весьма высоким уровнем социальной замкнутости [41]).

В полной мере присущая Югу России дихотомия «моноэтничность — полиэтничность», видоизменяясь, в итоге показывает множественные локализованные проявления, в своей совокупности придающие территориальной социально-экономической структуре макрорегиона (поляризованной, демонстрирующей центр-периферийные черты) выраженную «этническую окраску». Характерно, что «центральность» (если ориентироваться на наиболее полно отражающий масштаб экономической активности показатель налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, публикуемый Федеральной налоговой службой) оказывается в подавляющей части смещена на русские моноэтнические территории с иноэтническими вкраплениями, а периферийность, обусловленная усложненностью горных ландшафтов для хозяйственной активности, дистанцированностью от ведущих городских центров, аграрной специализацией с превалированием мелкотоварных форматов и др., смещена в полиэтнические муниципалитеты и, в еще более выраженной мере, в иноэтнические («нерусские») территории с удельным весом превалирующей национальности в 75 % и более. Если в группировке моноэтнических «русских» муниципальных образований с иноэтническими вкраплениями душевой показатель налогооблагаемых денежных доходов превышает средний по всему Югу России уровень в 1,34 раза, то в полиэтнических составляет лишь 0,63 от среднего, а в иноэтнических с 75%-м и более превалированием в структуре населения конкретных национальностей — 0,40. Феномен сложившихся центр-периферийных градиентов между этнически разнородными территориями (в общероссийском масштабе ранее отмеченный А.И. Трейвишем [42]) предопределяет не только фактическое недоиспользование прирастающего даже в условиях общероссийской депопуляции демографического потенциала большинства республик Северного Кавказа (за исключением Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, где в 2022 г. число жителей сократилось), но и продвигает этно- и геополитические риски. Благодаря ему одновременно и повсеместно с фокусировкой на крупнейших урбанистических центрах и их непосредственном окружении протекает полиэтнизация, продолжается развитие городских агломераций, выстраивается и трансформируется иерархия сопряженных, интегрирующих южнороссийский макрорегион «полюсов роста».

МЕТАМОРФОЗЫ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ПОЛИЦЕНТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Исторически на всех этапах своего формирования Юг России сохранял черты асимметричного полицентризма, когда драйверами развития и, соответственно, интеграторами пространства выступа-

ла ограниченная группа ведущих городских центров и формируемых ими агломераций, попеременно демонстрирующих потенциал лидерства.

На рубеже XIX–XX вв. доминирующие позиции в селитебной системе Юга России занимали Ростов-на-Дону (с Нахичеванью-на-Дону по переписи 1897 г. — 147 тыс. жителей) и Астрахань (113 тыс.). Советская индустриализация предопределила «взрывную» демографо-экономическую динамику Сталинграда/Волгограда (немаловажным, вне сомнения, стал здесь и «фактор И.В. Сталина», чья геобиография оказалась связана с этим поселением, получившим к тому же в 1945 г. статус «Город-герой»), который с 1930-х гг. вплоть до середины 1970-х гг. оставался крупнейшим по числу жителей южнороссийским центром.

В позднесоветский период более четко проявился «западный дрейф» селитебной и хозяйственной активности, существенно усилилась градоформирующая значимость транспорта, рекреации и в целом преимуществ «южного» приморского положения. Это предопределило, в частности, возвращение на ключевую роль Ростова-на-Дону и стремительное наращивание социально-экономических позиций Краснодара (за 1959–1989 гг. удвоившего свое население).

Опережающая динамика столицы Краснодарского края наблюдалась и весь постсоветский период, дополняясь еще более стремительным ростом демографического потенциала Махачкалы, что в условиях первоначально (в 1990-е гг.) активизировавшегося регионализма, а далее и «москвоцентризма» (когда федеральная столица практически сместила на себя часть функционала всех без исключения южнороссийских региональных центров) ознаменовало обретение Югом России преимуществен-

Таблица 3

Крупнейшие городские агломерации Юга России: демографо-экономическая компаративистика [34, 43]

Часть агломерации	Население			Экономика		
	Число жителей, тыс. чел.	Доля в населении Юга России, %	Динамика за 2015–2021 гг., раз	Объем налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, млн руб.	Доля в масштабе Юга России, %*	Динамика за 2015–2021 гг.
Ростовская агломерация¹						
Ядро	1142	4,25	1,02	530 229	9,7	1,91
Вся агломерация	2128	8,2	1,02	772 768	14,1	1,94
Краснодарская агломерация²						
Ядро	1099	4,1	1,13	658 060	12,0	2,30
Вся агломерация	1702	6,3	1,14	752 321	13,8	2,27
Волгоградская агломерация³						
Ядро	1028	3,8	1,0	283 912	5,2	1,46
Вся агломерация	1506	5,8	1,0	372 135	6,8	1,50
Ставропольская агломерация⁴						
Ядро	548	2,0	1,27	170 615	3,1	2,00
Вся агломерация	1088	4,0	1,25	247 350	4,5	1,94
Махачкалинская агломерация⁵						
Ядро	759	2,8	1,07	124 168	2,3	1,76
Вся агломерация	1010	3,8	1,05	145 535	2,7	1,75
Кавминводская агломерация⁶						
Ядро **	216	0,8	1,0	56 605	1,0	1,99
Вся агломерация	1008	3,9	1,0	187 170	3,4	1,90

Примечание. Состав агломераций: ¹ — Ростов-на-Дону, Азов, Батайск, Новочеркасск, Таганрог, Азовский, Аксайский, Мясниковский и Неклиновский районы; ² — Краснодар, Адыгейск, Горячий Ключ, Тахтамукайский, Теучежский МР, Динской МР и Северский районы; ³ — Волгоград, Волжский, Городищенский, Светлоярский и Среднеахтубинский районы; ⁴ — Ставрополь, Невинномысск, Изобильный, Грачевский, Кочубеевский, Труновский и Шпаковский муниципальные округа; ⁵ — Махачкала, Каспийск, Карабудакентский и Кумторкалинский муниципальные районы; ⁶ — Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск, Лермонтов, Минераловодский, Георгиевский и Предгорный муниципальные округа.

* Общая сумма налогооблагаемых денежных доходов по Югу России не включает данные по городу Севастополь.

** Пятигорск.

но полицентрического, с доминантой экзогенной по отношению к макрорегиону метрополии формата своего развития. Этот тренд закрепило проведение в Сочи в 2014 г. XXII Зимних олимпийских игр (только за 2011–2014 гг. население города увеличилось почти на 15 %), а также возвращение в состав России Крыма, где еще одной значимой в масштабе Юга России «точкой роста» стал Севастополь (с 2014 г. численность его населения возросла на 43 %).

В настоящее время возросший полицентризм Юга сочетается с устойчиво воспроизводящейся концентрацией демографического и экономического потенциала в немногих фактических «полусах роста». Согласно нашим подсчетам, по ситуации на 2021 г. шесть крупнейших (с населением более 1 млн чел. каждая) городских агломераций концентрировали 32 % демографического потенциала южнороссийского макрорегиона и 45 % учитываемых по его муниципалитетам налогооблагаемых доходов с физических лиц и индивидуальных предпринимателей (табл. 3).

Устоявшиеся центростремительные градиенты усиливают характерные для Юга России и обусловленные главным образом агроклиматической спецификой селитебно-хозяйственные различия по оси «юго-запад — северо-восток» (с двойной и более разницей в плотности сельского населения). Имеет место и обособление межрегиональной Причерноморской (Азово-Черноморской) дуги опережающего социально-экономического развития (из 38 южнороссийских городов с населением свыше 100 тыс. чел. 22 локализованы в пределах 200 км от морских побережий, в том числе 15 — азово-черноморских). Подобную пространственную конфигурацию во многом предопределяет (и консервирует) достаточно ограниченный набор базирующихся на агроклиматическом, селитебно-демографическом, туристско-рекреационном и транспортно-логистическом потенциалах хозяйственных специализаций (табл. 4).

Важнейшие из них — растениеводство (с «недоразвитой» переработкой сельхозпродукции, поскольку Юг обеспечивает лишь 10,6 % от общероссийского производства пищевых продуктов), транспорт (за январь–март 2024 г. 34 % грузооборота морских портов от общероссийского) и курортно-рекреационная сфера, дополняющиеся функционалом макрорегиона как общероссийски значимого «места проживания» (в том числе для так называемых отходников — согласно переписи 2021 г., в южнороссийском макрорегионе 246 тыс. чел. выезжают на работу за пределы своего населенного пункта с периодичностью от нескольких раз в месяц и реже).

Таблица 4

Удельный вес Юга России в Российской Федерации, % [34]

Показатель	Годы					
	2000*	2008*	2015	2019	2021	2022
Площадь территории	3,46	3,46	3,6	3,6	3,6	3,6
Численность населения	15,6	16,1	17,8	17,9	18,2	18,3
Посевная площадь	17,1	20,8	21,1	21,8	21,7	21,9
Посевная площадь зерновых культур	18,3	22,5	24,9	26,9	26,4	26,4
Валовой региональный продукт	7,6	7,7	9,7	9,2	9,7	8,8
Производство сельскохозяйственной продукции	18,3	23,6	25,0	26,0	26,7	25,9
Продукция обрабатывающей промышленности	Данные отсутствуют	7,3	7,5	7,2	6,2	6,8
Производство сахара	36,2	33,2	23,7	27,3	22,5	27,9
Производство растительного масла	53,3	46,1	31,8	27,3	26,0	28,1
Производство винодельческой продукции	56,3	72,4	52,1	63,1	72,2	76,2
Добыча каменного и бурого угля	3,8	2,2	1,4	1,3	1,7	1,4
Добыча нефти	3,3	2,6	2,0	2,8	2,6	2,5
Добыча природного газа	2,5	2,7	2,7	2,7	2,2	2,5
Валовой сбор зерна	26,5	34,2	38,2	36,9	39,7	34,2
Валовой сбор семян подсолнечника	54,3	56,1	34,5	31,6	32,8	32,2
Валовой сбор овощей	16,4	30,3	41,9	45,7	47,1	47,0
Валовой сбор плодов и ягод	25,1	32,0	41,8	47,6	50,7	54,5
Поголовье овец и коз	46,7	64,0	65,3	64,3	64,0	64,9
Производство шерсти	60,0	71,5	74,9	76,0	76,0	76,6

* Без Крыма.

Стратегическое смещение фокуса экономической активности на восток страны, в том числе в Сибирь (последовательно обосновываемое географами-обществоведами [44–47]), повышает риски дальнейшей консервации структуры южнороссийской экономики при ее одновременной периферизации. Учитывая текущие природно-климатические аномалии (включая прогнозируемое для Юга нарастание засушливости [48]) и военно-стратегические угрозы, реалистична и перспектива практического исчерпания ранее обеспечивающей развитие Юга России «демографической подпитки» (первоначально за счет «обнуления» позитивного сальдо миграции, а далее — постепенного снижения рождаемости в республиках Северного Кавказа). Вероятностны и нарастающие инфраструктурные дефициты. Необходимые усилия по масштабной ревитализации не только хозяйственного, но и инфраструктурно-ресурсного потенциала Юга России (с акцентом на электроэнергетику, транспорт, водоснабжение, лесовосстановление, воспроизводство агробиопродуктивности) в этих условиях должны, как видится, сочетаться с задействованием новых (в том числе связанных с вхождением в состав РФ четырех регионов) интеграционных тенденций в пространственном развитии, расширяющих рамки современного российского Юга, придающими ему «большой» формат.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И КОНТУРЫ ФОРМИРОВАНИЯ «БОЛЬШОГО ЮГА РОССИИ»

Впервые озвученная полтора десятилетия назад идея «Большого Юга России» [11] изначально была мотивирована фактором глобализации и соответствующими трансграничными феноменами и эффектами. Последующие события позволяют идентифицировать целую совокупность обстоятельств (от геополитических до природно-климатических) все более актуализированного расширительного понимания южнороссийского макрорегиона, его видения не только в традиционном, ментально устоявшемся за последнюю четверть века, но и в новом, динамично формирующемся («большом») пространственном контуре (см. рисунок).

Именно на Юге (юго-западе) нашей страны дважды (в 2014 и 2022 гг.) расширилось пространство российской юрисдикции (на 27 и 110 тыс. км² соответственно), обособив крупный ареал с приоритетной федеральной ответственностью и специфическими условиями жизнедеятельности, распространившимися не только на сопредельные южнороссийские территории, но и Белгородскую, Брянскую, Воронежскую и Курскую области (что зафиксировано, в частности, в Указе Президента РФ от 19.10.2022 [51]). Былые приграничные Воронежская и Ростовская область, а также Республика Крым стали к тому же выполнять для новых российских регионов значимые логистические функции, выступая в качестве своего рода «регионов-шерпов» в вопросах их инкорпорирования в общероссийские социально-экономические структуры и процессы. Дополнительной «скрепой» для Большого Юга России выступает и воссозданная в 2022 г. политико-географическая целостность акваториальной системы Азовского моря.

Становление «большого» формата российского Юга — это и практическое воплощение процесса, еще столетие назад идентифицированного Н.Н. Колосовским как «экономическое сжатие пространства» [52]. Завершение реконструкции автомагистрали М4 «Дон» порождает возможность полноформатного формирования оси развития от Москвы до Новороссийска с последующими ответвлениями на Сочи, Донецк и Севастополь. В этой конфигурации в более расширенном формате воссоздается и южнороссийский мегацентр — рассредоточенная Краснодаро-Ростовско-Донецкая конурбация с суммарным населением около 6 млн чел. С реализацией проекта МПК «Север-Юг» напрямую связана активизация межрегиональных интеграционных процессов в Нижнем Поволжье и на российском побережье Каспийского моря.

Конструирование большого южнороссийского формата инициировано и изменениями в агропроизводстве, укреплением позиций страны на глобальных продовольственных рынках, расширением (в связи с «миграцией» на север в русле климатических трендов и расширяющихся экспортных возможностей) ареала ведущих направлений растениеводства (зерновые и подсолнечник). Причем, если в собственно природно-ландшафтном плане северный рубеж Юга России может быть отождествлен с границами черноземной зоны, то в агроэкономическом, селитебном и историко-географическом — вынесен вплоть до Оки (по оценке Т.Н. Нефедовой [53], южнее этой реки сосредоточено 58 % сельского населения страны), откуда, собственно, в XV в. началось трендовое, и поныне не исчерпавшее весь потенциал, формирование российского Юга и «южности».

Важнейшие компоненты пространственной структуры «Большого Юга России».

Федеральные округа: А — Южный, Б — Северо-Кавказский; В — сопряженные с Югом России регионы Центрального Черноземья; Г — «Новые регионы» России [50, 51]. Субъекты РФ: 1 — Астраханская область, 2 — Волгоградская область, 3 — Кабардино-Балкарская Республика, 4 — Карачаево-Черкесская Республика, 5 — Краснодарский край, 6 — Республика Адыгея, 7 — Республика Дагестан, 8 — Республика Ингушетия, 9 — Республика Калмыкия, 10 — Республика Северная Осетия (Алания), 11 — Республика Крым, 12 — Ростовская область, 13 — Севастополь, 14 — Ставропольский край, 15 — Чеченская Республика, 16 — Луганская народная республика, 17 — Донецкая народная республика, 18 — Херсонская область, 19 — Запорожская область, 20 — Белгородская область, 21 — Воронежская область, 22 — Курская область, 23 — Липецкая область, 24 — Саратовская область, 25 — Тамбовская область. Транспортные коридоры: 26 — трасса М4 «Дон», 27 — «Новоросси́йск-Стамбул», МТК «Север-Юг»: 28 — построено, 29 — стадия проекта. 30 — морские порты. 31 — Каспийские морские пути. Границы: 32 — субъектов РФ, 33 — федеральных округов РФ. Государственные границы: 34 — РФ по суше, 35 — прочих государств. 36 — городские агломерации с численностью населения свыше 1 млн чел.: I — Ростовская, II — Краснодарская, III — Волгоградская, IV — Махачкалинская, V — Ставропольская, VI — Кавминводская, VII — Донецкая (оценка), VIII — Воронежская, IX — Саратовская, X — Южнокрымская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия пространственного развития современной России должна формироваться и реализовываться как многовекторная, вмещающая учет в том числе и южнороссийской специфики и приоритетов.

Имеющий место в течение практически четырех-пяти столетий «южный вектор» развития России напрямую зависит от геополитических и экономико-технологических и демографических детерминант, демонстрирует «волнообразный» характер и воплощается в формировании череды территориальных социально-экономических структур макроуровня, чей постсоветский инвариант идентифицируем как Юг России.

Наиболее значимыми характеристиками современного южнороссийского макрорегиона выступают его асимметричный полицентризм, сложная (и видоизменяющаяся) мозаика моно- и полиэтнических территорий, а также нестатичность внешних рубежей, сопряженная с межрегиональными интеграционными трендами, концептуализируемыми как формирование Большого Юга России. Данные обстоятельства, наряду с нарастающими для Российской Федерации на ее Юге вызовами и рисками (геостратегическими, природно-экологическими, этнокультурными и др.), инициируют масштабную, ориентированную на актуальные позиции и интересы России в меняющейся Евразии, хозяйственную, инфраструктурную и селитебную реконструкцию всей ставшей «большой» южнороссийской целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1992. — № 6. — С. 31–40.
2. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // Федерализм. — 2024. — Т. 29, № 2 (114). — С. 5–31. — DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-5-31
3. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. — 2019. — Т. 1, вып. 3. — С. 631–643. — DOI: 10.17059/2019-3-1
4. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. — 2018. — № 2. — С. 264–287. — DOI: 10.15372/REG20180212
5. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 967–980. — DOI: 10.17059/2019-4-1
6. Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В. Пространственное развитие России в условиях внутренних и внешних вызовов // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 4 (199). — С. 82–93. — DOI: 10.47711/0868-6351-199-82-93
7. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономич. журнал. — 2022. — № 5. — С. 22–40. — DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40 14
8. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4 (205). — С. 36–45. — DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45
9. Кабмин в 2024 году представит новую концепцию стратегии пространственного развития [Электронный ресурс]. — <https://tass.ru/ekonomika/19369521> (дата обращения 14.07.2024).
10. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. — 1999. — № 3. — С. 83–92.
11. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2009. — 288 с.
12. Суший С.Я. Юг России: социально-экономическая траектория макрорегиона (2000–2020-е гг.) // Региональная экономика. Юг России. — 2022. — Т. 10, № 4. — С. 92–102.
13. Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. — 164 с.
14. Покшишевский В.В. Заселение лесостепи и степи с XVI по XVIII в. // Региональные исследования. — 2017. — № 3 (57). — С. 122–135.
15. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. — СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. — 516 с.
16. Савицкий П.Н., Карташев А.В., Сувчинский П.П., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В., Бицilli П.М. На путях. Утверждение евразийцев. Кн. вторая. — Берлин: Геликон, 1922. — 357 с.
17. Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России [Электронный ресурс]. — <https://istmat.org/node/21611> (дата обращения 14.07.2024).
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. — Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произве-

- денной 28 января 1897 года. — С.-Петербург, 1905 [Электронный ресурс]. — https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (дата обращения 01.08.2024).
19. **Всесоюзная** перепись населения 1926 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения 01.08.2024).
 20. **Всесоюзная** перепись населения 1939 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения 01.08.2024).
 21. **Всесоюзная** перепись населения 1959 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (дата обращения 01.08.2024).
 22. **Всесоюзная** перепись населения 1970 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=4> (дата обращения 01.08.2024).
 23. **Всесоюзная** перепись населения 1979 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5> (дата обращения 01.08.2024).
 24. **Всесоюзная** перепись населения 1989 года. Распределение населения по национальности и родному языку [Электронный ресурс]. — https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php (дата обращения 01.08.2024).
 25. **Всероссийская** перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=7> (дата обращения 01.08.2024).
 26. **Всероссийская** перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8> (дата обращения 01.08.2024).
 27. **Итоги ВПН-2020**. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. — https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 01.08.2024).
 28. **Сукачев В.Н.** Сталинский план преобразования природы. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — 36 с.
 29. **Чибилев А.А., Левыкин С.В., Семенов Е.А.** Итоги и уроки целины // Вопросы степеведения. — 2005. — Т. 5. — С. 7–11.
 30. **Народное хозяйство РСФСР в 1965 году** (Статистический ежегодник). — М.: Статистика, 1966 [Электронный ресурс]. — <https://istmat.org/node/20469> (дата обращения 01.08.2024).
 31. **Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т.** Рекреационная география. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 207 с.
 32. **Гладкий Ю.Н.** «Евразийское неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Изв. Русского географ. общества. — 1998. — № 2. — С. 6–12.
 33. **Рыбаковский О.Л.** Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. — М.: Экон-Информ, 2008. — 287 с.
 34. **Регионы России**. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. — М.: Росстат, 2023. — 1126 с.
 35. **Дружинин А.Г.** Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. — 2022. — № 4. — С. 62–74.
 36. **Тишков В.А.** Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестник российской нации. — 2013. — № 5. — С. 12–29.
 37. **Сущий С.Я., Дружинин А.Г.** Очерки географии русской культуры. — Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказ. Науч. Центра Высшей Школы, 1994. — 575 с.
 38. **Стрелецкий В.Н.** Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. — М.: Изд-во Моск. гос. технич. ун-та, 2011. — С. 146–176.
 39. **Манаков А.Г.** Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2021. — Т. 85, № 5. — С. 687–698.
 40. **Белозеров В.С.** Этническая карта Северного Кавказа. — М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. — 304 с.
 41. **Стародубровская И.В., Идрисов Э.Ш., Казенин К.И.** Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий // Демографическое обозрение. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 22–41.
 42. **Трейвиш А.И.** Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.
 43. **Объем** налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]. — https://rosstat.gov.ru/-storage/mediabank/urov-14a_2010-2022.xlsx (дата обращения 01.08.2024).
 44. **Бандман М.К.** Геополитическое значение Сибири после распада СССР // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1994. — № 3. — С. 85–93.
 45. **Безруков Л.А., Корытный Л.М.** Роль территории Сибири в экономическом развитии России // География и природ. ресурсы. — 2009. — № 3. — С. 22–30.
 46. **Бакланов П.Я.** Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Изв. Росс. академии наук. Сер. геогр. — 2015. — № 5. — С. 8–19.
 47. **Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А.** Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. — 2024. — Т. 16, № 2. — С. 18–40.
 48. **Изменения** климата и экономика России: тенденции, сценарии, прогнозы / Под ред. Б.Н. Порфирьева, В.И. Данилова-Данильяна. — М.: Изд-во РАН, Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования, 2022. — 513 с.

49. **Федеральные** конституционные законы от 04.10.2022 «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики», «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики», «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта», «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» [Электронный ресурс]. — <http://www.kremlin.ru/acts/news/69511> (дата обращения 01.08.2024).
50. **Российская Федерация.** Федеральное устройство. Карта. М-б 1:8 000 000. — М.: ООО «РУЗ Ко», Росреестр, 2023. — 1 л.
51. **Указ** Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» [Электронный ресурс]. — <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405400237/> (дата обращения 31.07.2024).
52. **Колосовский Н.Н.** Будущее Урало-Кузнецкого комбината. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. — 136 с.
53. **Нефедова Т.Г.** Сжатие внегородского освоенного пространства России — реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М.: Эслан, 2010. — С. 128–144.

Поступила в редакцию 06.08.2024

После доработки 11.10.2024

Принята к публикации 10.03.2025